Глава 1.
Первая пошлина

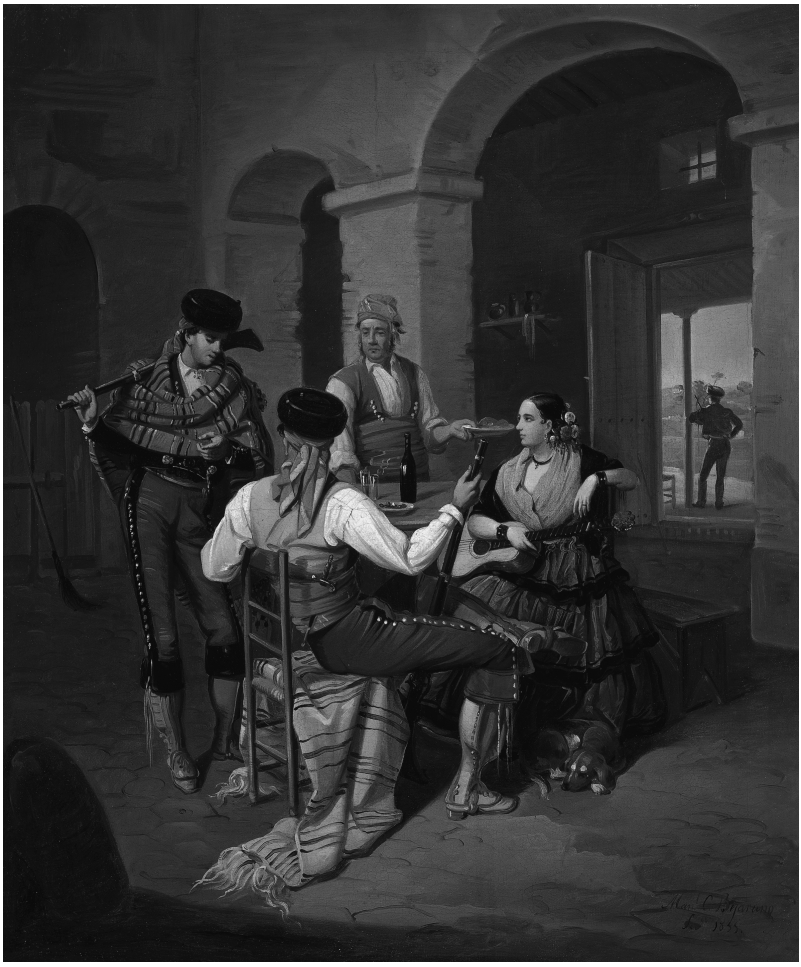
Около 1900 года до нашей эры из города Ашшура на Тигре вышел очередной ослиный караван. Впереди лежало больше тысячи километров пути на северо-запад — через степи Месопотамии и перевалы Тавра в богатый анатолийский город Канеш. Недели изнурительной дороги, постоялые дворы, опасные броды и сборщики податей у каждого удобного заслона.

На спинах вьючных животных покачивались тюки с ценными тканями и тяжелые слитки олова. А у старшего погонщика имелась четкая инструкция от хозяина груза — купца по имени Бузазу, подробно объяснявшая, что делать со всем этим добром на подходе к городу.

Эта инструкция сохранилась до наших дней. Вот ее суть, почти дословно: **«Пусть везут олово узкой тропой, если она свободна. Если же тропа закрыта, пусть разделят металл на маленькие свертки, спрячут под одеждой и вносят в Канеш постепенно, небольшими партиями»**.

Перечитаем эти строки еще раз, медленно. Разделить на части, спрятать в исподнем, вносить в город скрытно. Автор этого послания жил четыре тысячи лет назад. Он никогда не слышал терминов «таможня», «недекларируемый товар» или «серая схема» — таких слов тогда попросту не существовало. Зато сами криминальные схемы, как нетрудно заметить, уже вовсю процветали.

Письмо Бузазу представляет собой глиняную табличку размером с кусок мыла, исписанную клинописью и упакованную в такой же глиняный конверт. На месте древнего

Мануэль Кабраль Агуадо-Бехарано. 1855
Сцена в деревенской гостинице
Холст, масло. Музей Кармен Тиссен, Малага.

Канеша (близ нынешней турецкой деревни Кюльтепе) археологи раскопали около двадцати трех тысяч подобных документов. Это целый купеческий архив, накопившийся примерно за полтора века активной торговли.

Чтобы оценить масштаб находки, достаточно вспомнить, что от всей великой древнегреческой лирики до нас дошли лишь жалкие обрывки. А здесь — двадцать три тысячи детальных коммерческих свидетельств. Вечность, как нам предстоит убедиться еще не раз, питает особую слабость к финансовой отчетности.

Купцы писали друг другу обо всем на свете: сколько стоит олово и каков курс серебра, где ночевать каравану и чем кормить ослов, как идут дела у сына, оставшегося учиться в Ашшуре. И регулярно, деловито, тем же ровным тоном, каким сообщали цены, они обсуждали, как именно обойти сборщиков податей на пути в Канеш.

Эта книга выросла из одного простого наблюдения, и табличка Бузазу служит его идеальной иллюстрацией. Мы привыкли думать, будто сначала возникает граница с пошлиной, а затем, спустя время, заводится хитрец, который учится ее обходить. Так вот — ничего подобного. В самом раннем торговом архиве человечества таможня и контрабанда присутствуют одновременно: в одних и тех же письмах, нередко в одной и той же фразе. Никакого «спустя время» история нам не оставила.

Таможня и контрабанда рождаются в одну и ту же секунду — в ту самую, когда государство впервые говорит: *«За провоз — доля»*, а купец впервые прикидывает, во что обойдется тропа в обход. Дальше они, как и положено близнецам, растут вместе, ссорятся, взрослеют, перенимают друг у друга приемы и решительно не могут существовать порознь.

Уберите пошлину — и контрабандист превратится в обычного экспедитора.

Уберите контрабандиста — и пошлину можно будет назначать любую. Она перестанет быть ценой и станет обычным грабежом.

Об этой неразлучной паре и пойдет речь. Впереди — пять тысяч лет истории, все обитаемые континенты, империи, революции, мафия и *даркнет*. Но прежде чем разгоняться, честно ответим на детский вопрос: а кто все-таки родился первым?

Самая древняя профессия: вторая или третья?

Искать «первую в мире пошлину» — занятие безнадежное, и ученые им не занимаются. Историки выражаются осторожнее: «одни из древнейших задокументированных сборов».

Эти документы ведут в Шумер. Около пяти тысяч лет назад писцы Урука уже оставляли на глине отчеты о зерне, скоте и работниках, причитающихся храмам. Это, между прочим, самые ранние тексты человечества — не гимны, не заклинания и не любовная лирика, а приходно-расходные ведомости. Письменность изобрели не поэты. Письменность изобрели бухгалтеры.

Ок. 3100–2900 гг. до н. э.
Шумерская клинописная табличка: административный отчет с записями о солоде и ячменной крупе
Глина. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

У этого тезиса есть и персональное измерение. Первое имя человека, дошедшее до нас в письменном виде, принадлежит не царю, не завоевателю и не пророку. Это Кушим — учетчик из Урука, чья подпись стоит на табличках о приемке ячменя на склад, составленных более пяти тысяч лет назад.

Одна из них фиксирует двадцать девять тысяч с лишним мер зерна, принятых за тридцать семь месяцев. По сути, это три года отчетности, сведенные в один документ. Правда, ассириологи до сих пор спорят, звали так человека или это название должности, что по-своему прекрасно. Первое записанное имя, возможно, вообще не имя, а штатная единица. У Кушима, между прочим, есть и официальное признание: Книга рекордов Гиннесса числит за ним древнейшее сохранившееся личное имя. Так или иначе, у истоков письменной цивилизации стоит не герой со щитом, а человек с ведомостью. И дальше он из нашего рассказа уже никуда не денется.

К эпохе Третьей династии Ура (на рубеже III и II тысячелетий до нашей эры) учетный аппарат разросся до размеров, которым позавидует иное современное министерство. От этого периода осталось больше ста тысяч табличек, и изрядная их часть фиксирует поступления в царское хозяйство. Налоговая система называлась *«бала»*. К моменту своего расцвета она была, по оценкам археологов, уже на добрую тысячу лет старше собственных самых известных документов. Иными словами, когда фараоны только начинали строить Большие пирамиды, в Месопотамии фискальная отчетность уже считалась почтенной стариной.

Заметим важное: это пока налоги в общем смысле — с урожая, со стада, с рабочих рук. Пошлина в узком смысле — как плата за пересечение черты с товаром — выделится из общей массы поборов тогда же, когда оформятся сами эти черты:

- городские стены;
- речные и морские пристани;
- горные перевалы;
- границы царств.

Бернардо Беллотто. 1742–1744

Вид на Виа ди Рипетта в Риме

Холст, масло. Museum Kunstpalast, Дюссельдорф. На дороге, ведущей на север, в том месте, где папа Климент XI приказал построить новый порт на Тибре, до сих пор стоит палаццо Боргезе с лоджией справа от входа, рядом с ним церковь Сан-Джироламо-дельи-Иллиричи, или Сан-Джироламо-дельи-Скьявони (XV век), и церковь моряков Сан-Рокко (1499), которая в 1834 году получила фасад в стиле классицизма. Сегодня старая таможня, расположенная слева от дороги, в центре картины, снесена, а мавзолей Августа и Алтарь Мира снова на виду.

Логика здесь проста и безотказна. Если товар движется, в каком-то месте он обязан пройти через ворота. Ворота узкие, поток плотный, мимо не проскочишь. Удобнее места для сбора денег человечество не придумает уже никогда.

У ворот встает человек с весами и табличкой. Назовем его собирательно: вечный бюрократ. У него будут разные имена — мытарь, публикан, таможенный целовальник, инспектор, — но осанка, прищур и должностная инструкция останутся на удивление постоянными на протяжении пяти тысячелетий. Запомните его. Он будет появляться в каждой

главе этой книги, и каждый раз у его окошка будет стоять один и тот же посетитель.

Посетителя мы тоже уже встречали. Это купец, который смотрит на весы, на табличку, на ставку сбора и мысленно сравнивает ее со стоимостью услуг проводника, знающего узкую тропу.

Узкая тропа

Вернемся в Канеш, потому что лучшей лаборатории нам не найти. Торговая система, в которой работал Бузазу, была устроена на зависть стройно. Ашшур отправлял в Анатолию ткани и олово, а обратно текли серебро, золото и медь.

Уже этот перечень товаров наглядно показывает, что в практику входили прообразы сложных современных инструментов:

- бартер и классический экспорт-импорт;
- переработка на таможенной территории (ввоз олова для выплавки бронзы);
- переработка вне таможенной территории (вывоз меди).

Все это напрямую влияло на себестоимость товаров и стимулировало создание *добавленной стоимости*. Разумеется, калькуляция расходов на «обход тропы» становилась все более актуальной, а контрабанда превращалась в инструмент повышения коммерческой эффективности. Это был чистый экономический расчет купцов — в противовес государству, которое видело свою прибыль исключительно в административном принуждении.

Купцы из Ашшура селились в Канеше постоянной колонией, занимая квартал в нижнем городе — своего рода купеческую слободу, — и жили по торговым договорам с местным правителем. Эти соглашения регулировали абсолютно все: что возить можно, что нельзя и сколько причитается дворцу с каждого тюка.

Платить приходилось трижды.

1. **Экспортный сбор** — на выходе из Ашшура.
2. **Дорожные и мостовые пошлины** (с товара и с человека) — в пути.
3. ***Нишатум*** — главный ввозной сбор на входе в Канеш.

Пройдут тысячелетия, прежде чем торговцы добьются освобождения от платы за транзит на том основании, что проходящий через территорию товар не конкурирует с местными производителями. В XX веке свобода транзита (за исключением запрещенных к обороту товаров) станет важнейшим экономическим и политическим инструментом в международных делах.

С тканей и шерсти дворец правителя Канеша брал пять процентов, а с олова — около трех. Ставка на металл была заметно мягче, и это не небрежность, а продуманная политика. Своего олова в Анатолии не хватало, без него нельзя выплавить бронзу, а без бронзы не могут существовать ни армия, ни хозяйство. Перед нами, возможно, первый в истории случай тарифной льготы на стратегический ресурс — прием, который правительства с серьезным лицом будут «изобретать» еще четыре тысячи лет подряд.

Кое-что в Канеш нельзя было ввозить вообще. Железо (в ту эпоху редчайшая диковина, которая ценилась до семи раз дороже золота) и лазурит, доставлявшийся из далекого Афганистана, продавались исключительно через дворец правителя на правах монополии. Список стратегических товаров, закрытых для свободного рынка, существовал уже тогда — за четыре тысячи лет в нем изменился только ассортимент.

Когда речь заходит о подобных ограничениях, природа их ясна: это государственная квазимонополия. Раньше она обеспечивала доходы двора, а в современном понимании — это забота о безопасности, экономике и защите национальных интересов. Раз так, пускать процесс на самотек нельзя. Столь драгоценный инструмент всегда доверяли

проверенным лицам: в древности — приближенным правителя, сегодня — государственным корпорациям, институтам развития и естественным монополиям, независимо от специфики конкретной юрисдикции. Контроль за этим потоком всегда оставался в тех же надежных таможенных руках. К слову, таможне во все времена покровительствовали правители и высшая знать, ведь на кону стояли казна, экономика, большая политика, а также частные и групповые интересы.

Теперь посчитаем расходы глазами купца. Пять процентов здесь, три там, дорожные сборы на каждом броде, монопольные цены на самое прибыльное. По отдельности — терпимо, но в сумме — весьма ощутимо. И в горах Тавра как-то сама собой протаптывается «узкая тропа» — обходной маршрут мимо застав и контрольных пунктов.

Ходили по ней с двумя целями, которые останутся неизменными навсегда:

- чтобы не платить положенное за разрешенный товар;
- чтобы провозить запрещенное, за что пошлину не примут при всем желании.

Слово «контрабанда» появится лишь через тысячи лет в средневековой Италии — от *contra bando* (*«против указа»*). Древняя тропа обошлась без звучных названий. Это была просто дорога для тех, кто умеет считать.

У обходного пути была своя цена, и немалая. Официальный тракт гарантировал охрану, постоялые дворы и предсказуемость. Узкая тропа предлагала диких зверей, разбойников, суровую горную погоду и полное отсутствие гарантий. Контрабандист, в сущности, не отменяет пошлину, а лишь меняет ее на премию за риск. Это уравнение *«сбор против риска»* останется главным на протяжении всей книги. Меняться в нем будут только слагаемые — от ослиных караванов до океанских контейнеровозов и луковичной маршрутизации (*onion routing*).

Арсенал уловок сложился мгновенно и в полном составе дожил до наших дней.

Пойти можно было проверенными путями:

- не заявить товар вовсе;
- заявить лишь часть партии (у таможенников Канеша наверняка имелось свое ласковое слово для «забыл указать»);
- договориться со стражей на заставе, ведь жалованье охраны во все времена безнадежно отставало от соблазнов;
- нанять местных проводников, знающих каждый овраг в округе.

А купец по имени Кунилум давал партнерам совет еще более тонкого свойства: дожидаться, пока оформленный товар вернется с поста с печатями, и подмешивать к нему нерастаможенный. Расчет был прост: смешанная партия вызывает меньше подозрений. Однако с появлением досмотра смешанная партия теперь уже вызывала больше подозрений. Прием ювелирный — человечество будет раз за разом переоткрывать его в каждом порту и на каждой границе, вплоть до грузовых терминалов современных аэропортов.

Работало ли это? Далеко не всегда. И чем дальше, тем меньше. С ростом грузооборота росли аппетиты и государств, и торговцев. Вербальное доверие постепенно, но уверенно сменялось как на хитрости купцов, так и административное давление таможни. В ответ на хитрости купцов Канеш вводил досмотры, штрафы, домашний арест и тюремное заключение.

Наиболее поучительной стала история купца Пушу-кена — человека солидного и глубоко уважаемого в купеческой колонии. В его доме провели обыск, обнаружили контрабанду, и почтенный негоциант отправился под арест. Сухая хроника сохранила письмо его коллеги, некоего Иштар-пилаха, который незадолго до этого писал Пушу-кену с обезоруживающей прямотой: *«Ты же мне товарищ. Когда будешь отправлять распоряжение провезти контрабандой свое добро, заодно отправь и мое»*.